

УДК 316.2

АКТУАЛЬНО ЛИ СЕГОДНЯ НАСЛЕДИЕ МАКСА ВЕБЕРА? (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ЕГО СМЕРТИ)

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные вопросы научного наследия классика мировой социологии Макса Вебера, обсуждаются причины, по которым оно и сегодня сохраняет свою актуальность. Затрагиваются проблемы и сложности, связанные с переводом трудов Вебера с немецкого языка, приведшие к неточностям в интерпретации его идей. Подчеркивается главное достижение Вебера – создание понимающей социологии и ее понятийного аппарата. Большое внимание уделяется концепции свободы от ценностей в связи с трактовкой Вебером науки как сферы, в которой не место никаким критериям, кроме научных, и отличию сферы науки от сферы политики, где индивид может открыто проявлять свои интересы и пристрастия. Рассматривается методологическая актуальность проблем и концептов, раскрытых Вебером, в частности, понятий «идеальный тип», «типы господства», «харизма», «социальное действие», «рациональность», «бюрократия».

Ключевые слова: Макс Вебер; понимающая социология; научное наследие; харизма; идеальный тип; социальное действие; рациональность.

IS THE LEGACY OF MAX WEBER RELEVANT TODAY? (ON THE CENTENARY OF HIS DEATH)

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the main issues of the scientific heritage of the classic of world sociology Max Weber, and discusses the reasons why his legacy remains relevant today. It touches upon the problems and difficulties associated with the translation of Weber's works from German, which led to the inaccuracies in the interpretation of his ideas. The article emphasized

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Актуально ли сегодня наследие Макса Вебера? (К 100-летию со дня его смерти). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:54–60.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-54-60>

For citation:

Titarenko LG. Is the legacy of Max Weber relevant today? (On the centenary of his death). *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:54–60. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-54-60>

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
larissa@bsu.by

the main achievement of Weber that is the creation of an interpretive sociology and its conceptual apparatus. Much attention is paid to the concept of «freedom from values» in connection with Weber's interpretation of science as a sphere in which there is no place for any criteria other than scientific ones, and the difference between the sphere of science and the sphere of politics, where the individual can openly show his interests and preferences. The methodological relevance of the problems and concepts disclosed by Weber, in particular, the concepts of «ideal type», «types of domination», «charisma», «social action», rationality», «bureaucracy» is considered.

Keywords: Max Weber; interpretive sociology; scientific legacy; charisma; ideal type; social action; rationality.

Введение

14 июня 2020 г. исполнилось 100 лет со дня смерти Макса Вебера. Среди социологов всего мира общепринята точка зрения, что «идеи Вебера оказали влияние почти на все социальные науки, а также на многие отрасли исторического исследования»¹ [1, р. 2]. И это единодушие не случайно. Гениальный немецкий ученый действительно произвел революцию во многих отраслях социального знания и стал основоположником понимающей социологии – направления, которое в XX в. по своей важности опередило позитивистскую социологию. Каким образом возможно, чтобы социолог, живший более века тому назад, до сих пор так сильно влиял на современную научную мысль?

Социология отличается от естественно-научных дисциплин тем, что заставляет ученых, занимающихся ею на теоретическом уровне, постоянно возвращаться к классике этой дисциплины.

Социологи перечитывают произведения признанных мэтров, отыскивая в них новые повороты в осмыслении тех или иных социальных процессов и явлений, снова и снова изучают исследовательскую логику в классических работах, пытаются найти возможность применить их к поиску решений актуальных современных методологических проблем.

Действительно, в работах классиков социологии, с чем соглашаются современные авторы, всегда можно найти «методологические матрицы, удачные методические решения для эмпирических исследований» [2]. В этом и состоит их методологическая практичность и актуальность. Классики могли устареть в конкретных теориях, их данные потеряли актуальность, но предложенные методы и исследовательские подходы до сих пор вызывают споры, как будто они были созданы вчера.

Вебер: трудности перевода и интерпретации

Макс Вебер – самый почитаемый классик социологии и, безусловно, самый читаемый из социологов XX в., чьи научные работы и сегодня занимают первые строчки рейтингов в опросах социологов разных стран². Причем данный результат не зависит от того, какой теоретической позиции придерживаются читатели (хотя остается неоспоримым тот факт, что Вебер известен прежде всего как основоположник «понижающей социологии»). Вместе с тем понятно, что творчество Вебера оказало намного больше влияния на последующее развитие социологии в таких странах, как Германия, Австрия, Италия, Великобритания, США. Сам ученый в ходе подготовки своих трудов читал очень много литературы, касающейся культуры (в частности, религии) многих стран мира. Не только историческая социология и социология религии, но и экономическая и политическая социология, а также история юриспруденции были в центре его внимания. Вебера интересовала антропология и экономическая история, эпоха древности и Средние века, Просвещение и Реформация. Во все эти об-

ласти он внес вклад. Вебер точно уловил и отразил дух своей эпохи, занимаясь такими научными проблемами, которые были интересны его современникам. Многие из этих проблем, такие как рациональность, социальное действие, типы господства, актуальны и сегодня либо как базовые для социологии вообще, либо как необходимые для определения и переопределения процессов и явлений, имеющих место в нынешнее время в новом облике и новых формах.

Фигура Вебера неординарна. Он прекрасно разбирался во всем многообразии социально-гуманитарного познания своего времени. Среди его постоянного круга общения были известные философы, историки, политики, экономисты, юристы, что, несомненно, способствовало преломлению в его собственных концепциях разнообразных идей из этих областей науки и культуры и производству нового социального знания. Вместе с коллегами Вебер принимал участие в обсуждении как актуальных теоретических, так и политических проблем своего времени (а время было – как и любой дру-

¹Перевод наш. – Л. Т.

²По результатам опроса членов Международной социологической ассоциации, проведенного в 1997 г., работа Вебера «Экономика и общество» («Хозяйство и общество») занимает первое, а «Протестантская этика и дух капитализма» – четвертое место в списке лучших социологических книг XX в.

гой исторический период XX в. – очень непростое и для Германии, и для мира в целом). По всеобщему мнению, труды Вебера после его довольно неожиданной смерти от гриппа (испанки, переросшей в пневмонию) читали и изучали куда больше исследователей, чем это было при его жизни³. И на то есть много причин. Самая простая из них состоит в том, что широкое издание трудов Вебера (как и их переводов) развернулось только после его смерти (первым редактором, подготовившим издание его работ в Тюбингене на немецком языке в 1920-х гг., была его супруга Марианна Вебер).

И здесь возникает немаловажная проблема точности переводов. Одним из американских почитателей ученого, как известно, был Талкотт Парсонс, который не только способствовал распространению идей Вебера в США благодаря публикации собственного труда «Структура социального действия» (1937), но и стал переводчиком и интерпретатором некоторых его важнейших работ. Именно Парсонс опубликовал перевод труда «Протестантская этика и дух капитализма» в 1930 г. [4], а затем и других работ [5]. Считается, что его трактовка Вебера была функционалистской и телеологической, она в ряде важных положений искажала оригинал (отчасти ввиду его полемического характера, относящегося к эпохе начала XX в.). Речь идет не только об известной метафоре железной клетки, введенной именно Парсонсом, но и о деталях интерпретации роли Кальвина в формировании протестантской этики, других вопросов, которые сегодня также считаются неточными (так, Парсонс напрямую связал социальное действие с поведением, тогда как Вебер подчеркивал важность осмысленности действия). Другим известным американским переводчиком и интерпретатором трудов Вебера стал Чарльз Райт Миллс. В 1946 г. вместе с Гансом Гертом он опубликовал перевод социологических эссе Вебера [6]. Миллс написал о Вебере так много, что на этом основании в социологической литературе сложилось мнение о том, что сам Миллс был веберянцем (хотя в своих текстах он это опровергал и считал себя скорее последователем идей молодого Маркса).

Среди российских переводчиков-редакторов опубликованных текстов самыми известными являются Ю. Н. Давыдов и Л. Г. Ионин, хотя переводчиков отдельных статей было много. Отметим, что полностью основные труды Вебера на русский язык долго не переводились (сначала из-за их «буржуазного характера», потом из-за их огромного объема и отсутствия социального заказа на переводы, ведь ученые-веберянцы читали Вебера в оригина-

ле, а для обучения студентов хватало работы о протестантской этике). Один из лучших нынешних российских знатоков творчества Вебера Л. Г. Ионин считает, что мешал переводам и тот факт, что язык трудов Вебера «несколько архаичный», а фразы очень длинные, не рассчитанные на легкое восприятие читателем: в них воплотилось развитие мыслей ученого. Наконец, многие немецкие слова, которыми пользуется Вебер, можно перевести на русский язык по-разному (или вообще нельзя перевести ввиду отсутствия аналогов), что тоже затрудняет перевод или делает его по меньшей мере неточным [7].

К сожалению, и сейчас не существует единого понимания веберовских принципов даже в главном. Как пишет Л. Г. Ионин про основной труд Вебера «Хозяйство и общество», весь мир знает и изучает работы ученого больше по их переводам на английский язык, первые из которых были сделаны в США. По мнению Л. Г. Ионины, они значительно исказили оригинал: «...американизированный Макс Вебер сильно отличается от оригинального. А весь мир его изучает именно по американскому переводу» [8, с. 120]. В то же время некоторые «ошибки перевода» прочно вошли в научный обиход и даже сделали, по мнению отдельных авторов, идеи Вебера более популярными. Один из российских адептов ставших уже «классическими» ошибок пишет по поводу парсонсовского варианта перевода известной метафоры Вебера *Stahlhartes Gehaus* (дословно – «стальной панцирь», а у Парсонса – «железная клетка»): «Триумфального шествия “железной клетки”⁴ как мощного социологического концепта, повлиявшего на многие умы, не состоялось бы, если бы не американизация этих священных для всех социологов текстов» [8, с. 125].

Но даже относительно тех работ, где интерпретаторы классика не пользовались переводами, есть обоснованные опасения, что идеи Вебера понимались либо упрощенно, либо просто неверно. Например, его знаменитая работа «Протестантская этика и дух капитализма» уже в названии содержит ряд понятий, в которые Вебер вкладывал собственное содержание. Так, капитализм для него – это не экономическая система и не формация, как у Маркса, а в первую очередь все «современное общество», которое породило совокупность правил и ценностей, используемых большинством живущих в этом обществе людей (т. е. культуру этого общества, его кодекс ценностей, этические нормы). Хотя, по Веберу, религия (а именно протестантизм) существенно повлияла на возникновение того капитализма – общества, в котором жил сам Вебер, тем не

³Хотя, по воспоминаниям его жены Марианны, Вебер всегда был окружен учениками, высоко его почитавшими, к которым он сам относился уважительно [3].

⁴Железная клетка (*iron cage*) – сегодня широко используемый социологический термин, заимствованный из работы Вебера в переводе Парсонса, который обозначает возрастающую бюрократизацию и рационализацию общества, особенно в западных странах.

менее «дух капитализма», т. е. свод его ценностей, уже был не религиозным, но рациональным. Именно о процессе постепенной рационализации разных религий пишет в своей работе Вебер. Этот дух рациональности привел людей к осознанию того, что надо в своей профессиональной нише при жизни реализовать собственные желания и потребности, отсюда следует такое большое внимание к трудовой этике. Она тоже рациональна и построена на безличных принципах и процедурах, поэтому именно данную бюрократическую рациональную систему, в которую включен индивид, Вебер метафорически назвал железной клеткой для человека (точнее, стальным панцирем). Основы этого панциря рационально-бюрократические, ничего другого в них нет. Однако именно эти основы, дополненные высокоразвитой технологией, привели в XX в. к такому росту материальных благ, который позволил обеспечить массовое потребление и построить рациональное индустриальное (а затем постиндустриальное) общество (как синоним обновленного капитализма). В таком обществе живет (или только еще мечтает жить, стремясь к нему) большинство населения нынешнего земного шара. Но это не идеальное общество. Неслучайно Вебер был пессимистом относительно будущего человечества: он не считал высокотехнизированное и бюрократизированное безликое общество прогрессом. Как пишет Л. Г. Ионин, Вебер «показывает, что, будучи

самой рациональной и эффективной в экономическом смысле системой, капитализм порождает иррациональные последствия в социальной жизни. Проще говоря, он рационален и «несправедлив». И это внутренне присущее ему противоречие рационально (то есть научно) неразрешимо» [7].

Неслучайно и то, что, отталкиваясь от веберовских идей рациональности, социальные философы франкфуртской школы выстроили в 1940–50-х гг. свои критические антитехницистские концепции, показав миру, к чему приводят возведенные в абсолют рациональность, расчет и бюрократия, используемые даже в вопросах уничтожения рода человеческого (Вторая мировая война, холокост) [9]. В XXI в. технизация и рационализация мира продолжились и привели к созданию новых видов вооружений, искусственного интеллекта, невиданным угрозам человеческой личности, что дает основания многим ученым рассуждать о полном порабощении человека машинами, как в известном бестселлере «Матрица». Вебер не мог этого предвидеть, он всегда предпочитал заниматься настоящим и изучать прошлое, а не строить прогнозы о будущем, но двойственность природы рациональности он уловил и раскрыл. Сегодня мир живет в созданной умными машинами «социальной матрице» – мире, где все возможно, где нет правил и где практически не осталось места для человека [10].

Понимающая социология

Что из обширного теоретического наследия Вебера в максимальной степени сохраняет актуальность и привлекает к нему новых авторов? Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Прежде всего Вебер создал методологию исследования, которая оказалась востребована в социальной науке в конце XIX – начале XX в. и до сих пор пользуется широкой популярностью среди социологов разных стран. С именем Вебера связано становление теоретико-методологической парадигмы понимающей социологии. Разрабатывая эту парадигму, Вебер ввел в научный обиход ряд понятий, которые изменили социологию, дав дорогу для развития антипозитивистских теорий. В центре его социологии такие конструкции, как идеальный тип, социальное действие, рациональность, понимание. Концептуальный аппарат, созданный Вебером, был востребован научным сообществом того времени, его единомышленниками и остается релевантным для описания многих исследуемых феноменов в современной постнеклассической социологии. В зарубежной литературе даже имеет место мнение, что Вебер «был мыслителем постмодерна, далеко обогнавшим свое время» [11].

Вебер, будучи выдающимся теоретиком и методологом научного познания в области социоло-

гии, много времени уделял тому, чтобы показать принципиальное отличие социологического теоретизирования от других видов теоретизирования в области социальных наук. Прежде всего это различие между объяснением, характерным для естественных наук, и пониманием, преимущественно используемым в социальном познании и науках о культуре в целом. Вебер не отрицал роли объяснения как метода полностью, но отводил ему второстепенное место в социологии, подчиняя его методу понимания.

На примере собственной научной деятельности Вебер показал несводимость социального к другим областям знания. Сам ученый никогда не пытался подменить социальное чем-то иным, т. е. не допускал редукционизма, который так или иначе означает утрату социологией своего специфического предмета. В поисках концептуальных рамок для социологии Вебер не выходил за пределы социального. По этой причине для него, например, был неприемлем анализ капитализма Маркса, сводящий объяснение социальных изменений к экономическим каузальным рядам, т. е. к экономическому детерминизму. Точно так же Вебер избегал редукции социального к психологическому или биологическому, даже если это на первый взгляд могло

увеличить объяснительную силу теоретизирования за счет обращения к неким «глубинным» несоциальным причинам анализируемых процессов и явлений. И в этом смысле, в плане проведения четкого отграничения специфики социального от других сфер, Вебер остается примером и сегодня.

Зарубежные исследователи творчества Вебера единодушны в том, что главным, фундаментальным его трудом является «Экономика и общество»⁵, где раскрыт предмет понимающей социологии и дано осмысление всеобщих правил социального действия [12]. Социальное действие – одно из основополагающих понятий в социологии Вебера. По его мнению, социология всегда имеет дело с осмысленными, мотивированными действиями индивидов, действующих в обществе, а также изучает понимание их субъективных мотивов, намерений, целей.

Вебер разработал и глубоко проанализировал такой особый универсальный инструмент познания, как идеальный тип. По его мнению, обобщающие научные понятия в принципе не могут точно соответствовать социальной действительности – они

являются идеальными моделями того или иного ее фрагмента, т. е. служат формальными инструментами мышления в науке. Таковыми являются большинство понятий, используемых в социологии.

Вебер выделяет четыре «чистых» типа действия (идеальные типы): целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное. Из них только первый тип полностью рационален. Он преобладает в таких сферах деятельности, как экономика, управление, право, наука. Поскольку этот тип больше всего соответствует тенденции развития общества по пути нарастания рациональности, в обществе имеет место тенденция бюрократизации, которая является общей для цивилизационного развития всего мира. Указывая на эту тенденцию, сам Вебер не делал вывода, что общество в XX в. будет неизбежно развиваться по рациональному пути. Целерациональность – одна из исторических возможностей развития. Вебер видел в ней средство, которое может быть обращено на разные цели, причем его личный взгляд на будущее общества был пессимистичным.

Наука как призвание и профессия

В широко известной в настоящее время работе «Наука как призвание и профессия» Вебер обращается к проблеме науки и научного исследования. Он пытается ответить на вопрос о том, что есть наука, в чем смысл научной деятельности, кого можно считать ученым, а кого нет. Само научное познание у Вебера рассматривается как идеально-типическая конструкция, в которой соединены представления о науке, объекте, истине, ценностях, с понятием социальности как таковой. Вебер раскрыл внешние и внутренние условия существования науки как профессии и научного познания как специфической деятельности. «Сегодня наука есть профессия, осуществляемая как специальная дисциплина и служащая делу самосознания и познания фактических связей» [13, с. 731].

Человек, решивший посвятить себя науке, должен полностью отдаваться этой деятельности, проявляя при этом страсть, «ибо для человека не имеет никакой цены то, что он не может делать со страстью» [13, с. 708]. В частности, это означает, что ученый, преданный своему делу, должен заниматься наукой профессионально, а не как любитель или как человек, одновременно занятый многими важными делами, кроме науки: «Личностью в научной сфере является только тот, кто служит лишь одному делу» [13, с. 711]. По Веберу, надо заниматься наукой, только если имеешь научную страсть, если не можешь без этого жить и готов посвятить годы, всю жизнь поиску истины, а не добыванию статусов, званий,

признания в обществе. Наука – это не только профессия, это призвание служить истине. Поэтому и современные ученые, разделяющие взгляды Вебера, согласны с тем, что «ни должностное положение исследователя в социальных иерархиях, ни принадлежность его высказывания тому или иному времени не могут и не должны служить критерием при определении истинностных значений» [14, с. 98].

Вебер уделяет внимание вопросу различий между научным знанием и верой: наука основана на фактах, а вера в них не нуждается. Наука анализирует только то, что подвластно логике и что может быть рассмотрено с точки зрения рациональности. Из знаний о фактах выводятся знания о средствах, которые следует применить во имя достижения тех или иных целей. Отсюда следует, что сфера научного познания должна быть свободна от ценностей. Область ценностей – это сфера должного, где суждения людей об одном и том же предмете по необходимости варьируются. Наука – сфера истины, которая едина и обязательна для всех людей. Только когда человек как бы выходит из образа ученого (покидает стены университета, студенческую аудиторию), он может заниматься другими видами деятельности и открыто отстаивать свои интересы и ценности в других сферах. Тогда он может заниматься политикой, которой не место в аудитории. Ученый может проявлять свои гражданские позиции вне сферы науки и не имеет морального права проповедовать собственные политические взгляды

⁵В русских изданиях – «Хозяйство и общество», так как немецкий оригинал позволяет использовать оба варианта перевода.

в аудитории: «...политике не место в аудитории. Студенты в аудитории не должны заниматься политикой» [13, с. 721]. Таким образом поступал сам Вебер, активно участвовавший в немецкой политической жизни, но не соединявший политику с наукой. Вебер оставляет науку для оперирования фактами, а политику – для проявления интересов и субъективных пристрастий ученого как гражданина и человека. Это значит, что, вопреки Марксу, ученый не должен пытаться изменить мир своими

исследованиями и деяниями, но это может сделать политик.

Возможно, данная позиция не разделяется сегодня социологами активистского толка, которые выделяют гражданскую функцию социолога как равнозначную его профессиональной деятельности [15]. Однако и позиция Вебера имеет своих последователей, которые четко разделяют эти две роли, выполняемые одним человеком, но в разных сферах деятельности [16].

Харизматическое лидерство

Особой популярностью в современной политической социологии пользуется веберовское понятие харизмы как типа легитимного господства (наряду с легально-рациональным и традиционным). В разделе книги «Хозяйство и общество» о типах легитимного господства автор указывает, что каждый из типов в некоторой степени имеет элементы других типов. Полезность своей схемы автор видит в том, что «в каждом конкретном случае можно установить, какие именно аспекты организованной группы легитимно идентифицируются» как соответствующие одной из выделенных категорий или типу [12, с. 255]. Далее Вебер указывает, что понятие подлинной харизмы как врожденного и экстраординарного качества его носителя, которому нельзя научить, не опирается на готовый образец.

Харизматические лидеры способны вызвать веру или слепую поддержку последователей благодаря своим врожденным качествам и экспрессивности. При этом сам Вебер, следуя принципу свободы от ценностных суждений, безразличен к ценностям, проповедуемым харизматическим лидером, будь то политик или религиозный фанатик. Вебер лишь констатирует, что харизматическое господство характеризуется послушанием лидеру и созданному им порядку. По Веберу, выдвигаемые харизматическим лидером идеи измеряются не ценностью истины, а их мобилизующей силой, а также силой группы, которая признает идеи своего лидера. Определенную роль в поддержании харизматического лидера играют также СМИ, но полностью создать кому-то харизму без имеющихся на то предпосылок невозможно (это псевдохаризма).

Поскольку сегодня на политической арене достаточно много лидеров данного типа, анализ харизматического господства, предложенный Вебером, остается актуальным. Так, в настоящее время при анализе лидера-харизматика важным критерием харизматичности является факт, что его деятельность объективно служит интересам верящих в него людей, их стремлению к благосостоянию, счастью, другим зримым результатам в повседневной жизни народа. Если же лидер-харизматик хотя бы

какое-то время не может обеспечить народу материальных благ, создается угроза его господству. Данные индикаторы могут обосновать власть того или иного харизматического лидера и стать базой для анализа того, насколько долго он еще может сохранить свою власть [12, с. 279]. До сих пор представляет интерес конкретное рассмотрение того, какие социально-исторические обстоятельства делают возможным появление и даже историческую потребность в харизматическом лидере, какой лидер может принять на себя выполнение особой «миссии», отвергать старые и утверждать новые (иногда экстраординарные) ценности и что связывает лидера с его последователями. По мнению Вебера, истинная харизма проявляется, как правило, в экстраординарных ситуациях, которые не только обуславливают потребность в лидерах данного типа, но и предполагают наличие эмоциональных масс, готовых к иррациональным действиям в ситуациях, выходящих за пределы повседневности.

Харизматический тип господства, по Веберу, не может быть долгосрочным, он актуален в экстраординарных ситуациях, тогда как в стабильных условиях более релевантен тип легально-рационального господства (хотя зачастую на место харизмы возвращается традиционный тип господства). Наконец, актуальным в политическом анализе являются различия между «истинной харизмой» и «псевдохаризмой», которую можно создать с помощью СМИ, политических манипуляций в условиях кризиса, подыгрывания лидеру его окружения (администрации) и т. п. В современной политической науке высказывается точка зрения, согласно которой отдельные элементы харизмы необходимы любому типу господства.

Резюмируя краткий экскурс в научное наследие Вебера, которое не может быть описано в короткой статье, подчеркнем, что различные понятия и концепции, созданные Вебером, составляют единую систему, которую надо воспринимать целостно. Под каждым из этих понятий, как справедливо писал Ю. Н. Давыдов, «обнажается глубина все дальше заводящих нас социально-философских, а затем и вовсе метафизических представлений и постулатов» [17, с. 396].

Библиографические ссылки

1. Lachmann LM. *The legacy of Max Weber*. Berkeley: Glendessary Press; 1971. 147 p.
2. Вахштайн В. Интеллектуальные уловки в социологии [Интернет]. 2 июня 2019 г. [процитировано 12 октября 2019 г.]. Доступно по: <https://www.youtube.com/watch?v=R8AcIQVKYag>.
3. Вебер Марианна. *Жизнь и творчество Макса Вебера*. Москва: РОССПЭН; 2007. 655 с.
4. Weber M. *The protestant ethic and the spirit of capitalism*. Parsons T, translator. London: Allen and Unwi; 1930. 271 p.
5. Weber M. *The theory of social and economic organization*. Parsons T, editor. New York: Oxford University Press; 1947. 450 p.
6. Gerth HH, Mills CW, translators, editors. *From Max Weber: essays in sociology*. New York: University Press; 1947. 514 p.
7. Ионин ЛГ. «Чтобы Вебер стал русским...». *Русский журнал*. [Интернет]. 2 апреля 2007 [процитировано 20 сентября 2019 г.]. Доступно по: <http://www.russ.ru/layout/set/print//Mirovaya-povestka/CHtoby-Weber-stal-russkim>.
8. Ионин ЛГ, Куракин ДЮ. Существует ли патриотизм в социологии? *Социологический журнал*. 2018;24(1):114–131. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5716.
9. Хоркхаймер М, Адорно Т. *Диалектика Просвещения: философские фрагменты*. Санкт-Петербург: Медиум; 1997. 310 с. Совместно с издательством «Ювента».
10. Кутырев ВА. *Унесенные прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире*. Санкт-Петербург: Алетея; 2016. 300 с.
11. Koshul BB. *The postmodern significance of Max Weber's legacy: disenchanting Disenchantment*. London: Palgrave Macmillan; 2005. 176 p.
12. Вебер М. *Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. Том 1. Социология*. Ионин ЛГ, составитель, редактор. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2016. 445 с.
13. Вебер М. Наука как призвание и профессия. В: *Вебер М. Избранные произведения*. Давыдов ЮН, переводчик, составитель. Москва: Прогресс; 1990. с. 707–735.
14. Антоновский АЮ. Научное познание как понятие социальной философии. *Вопросы философии*. 2018;12:97–100.
15. Burawoy M. For public sociology. *American Sociological Review*. 2005;70(1):4–28. DOI: 10.1177/000312240507000102.
16. Романов П, Ярская-Смирнова Е, редакторы. *Общественная роль социологии*. Москва: Вариант; 2008. 176 с.
17. Давыдов ЮН. *Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения*. Москва: Мартис; 1998. 510 с.

References

1. Lachmann LM. *The legacy of Max Weber*. Berkeley: Glendessary Press; 1971. 147 p.
2. Vachstein V. *Intellectual tricks in sociology* [Internet]. 2019 June 2 [cited 2019 October 12]. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=R8AcIQVKYag>. Russian.
3. Weber Marianna. *Zhizn' i tvorchestvo Maksa Vebera* [The Life and Work of Max Weber]. Moscow: ROSSPEN; 2007. 655 p. Russian.
4. Weber M. *The protestant ethic and the spirit of capitalism*. Parsons T, translator. London: Allen and Unwi; 1930. 271 p.
5. Weber M. *The theory of social and economic organization*. Parsons T, editor. New York: Oxford University Press; 1947. 450 p.
6. Gerth HH, Mills CW, translators, editors. *From Max Weber: essays in sociology*. New York: University Press; 1947. 514 p.
7. Ionin LG. [«So Weber becomes Russian...»]. *Russkii zhurnal* [Internet] 2007 April 2 [cited 2019 September 20]. Available from: <http://www.russ.ru/layout/set/print//Mirovaya-povestka/CHtoby-Weber-stal-russkim>. Russian.
8. Ionin LG, Kurakin DYU. Does patriotism exist in sociology? *Sociological Journal*. 2018;24(1):114–131. Russian. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5716.
9. Horkheimer M, Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniya: filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments]. Saint Petersburg: Medium; 1997. 310 p. Co-published by the «Yuventa». Russian.
10. Kutyrev VA. *Unesennye progressom: eskhatologiya zhizni v tekhnogennom mire* [Gone with progress: the eschatology of life in the technogenic world]. Saint Petersburg: Aleteya; 2016. 300 p. Russian.
11. Koshul BB. *The postmodern significance of Max Weber's legacy: disenchanting Disenchantment*. London: Palgrave Macmillan; 2005. 176 p.
12. Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo. Ocherki ponimayushchei sotsiologii. Tom 1. Sotsiologiya* [Economy and society. An outline of interpretive sociology. Volume 1. Sociology]. Ionin LG, compiler, editor. Moscow: Higher School of Economics; 2016. 445 p. Russian.
13. Weber M. [Science as a vocation and profession]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Davydov YuN, translator, compiler. Moscow: Progress; 1990. p.707–735. Russian.
14. Antonovskiy AYU. Scientific knowledge as a concept of social philosophy. *Voprosy filosofii*. 2018;12:97–100. Russian.
15. Burawoy M. For public sociology. *American Sociological Review*. 2005;70(1):4–28. DOI: 10.1177/000312240507000102.
16. Romanov P, Yarskaya-Smirnova E, editors. *Obshchestvennaya rol' sotsiologii* [Public role of sociology]. Moscow: Variant; 2008. 176 p. Russian.
17. Davydov YuN. *Maks Veber i sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya: aktual'nye problemy veberovskogo sotsiologicheskogo ucheniya* [Max Weber and modern theoretical sociology: actual problems of Weberian sociological doctrine]. Moscow: Martis; 1998. 510 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.06.2020.
Received by editorial board 02.06.2020.